

Центр геополитических исследований «Берлек - Единство»

Р.И. Мурзагалиев, Д.Г. Михайличенко

***ПОСТМАЙДАННЫЕ КОНТУРЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ:
трансформация ограничителей и перспектив***

Уфа-2014

УДК 327(5)
ББК 66.4(5),
В58.

Постмайданные контуры евразийской интеграции: трансформация
ограничителей и перспектив / Уфа: 2014. - 33 с.

В период украинского кризиса процессы евразийской интеграции столкнулись с новыми вызовами и ограничителями. Результативность синергии России и республик Центральной Азии в постмайданной геополитической конфигурации зависит от эффективности нейтрализации новых ограничителей и результативности использования интеграционных перспектив.

ISBN

Введение

Текущая геополитическая ситуация в Евразии все чаще определяется экспертами посредством одного персидского слова, означающего открытую площадку («майдан»). Действительно, под воздействием событий на Украине изменилась геополитическая конфигурация в Центральной Азии, а процессы евразийской интеграции столкнулись с новыми ограничителями и вызовами.

Украинский кризис 2013-2014 гг. вызван попыткой дебуферизации постсоветского пространства со стороны Евросоюза. Запустив с подачи Польши и Швеции в 2009 г. программу «Восточное партнерство», Брюссель посредством различных инструментов «soft power» («мягкая сила» - англ.) и прямого геополитического давления инициировал кризис государственности на Украине. В результате, и без того поляризованное украинское общество окончательно раскололось на сторонников евразийской и европейской интеграции.

Следствием кризиса на Украине явилось низложение законно избранного президента В. Януковича, и практически полная утрата контроля Киевом восточной части страны, а также Крыма. Вследствие этого, жители Крыма, около 68 % населения которого составляют этнические русские, а 12 % крымские татары, по итогам проведенного референдума 16 марта 2014 г. приняли решение о вхождении в состав Российской Федерации. А на востоке страны фактически началась гражданская война.

Эти события серьезно повлияли на геополитическую конфигурацию в Евразии. Аналитики и эксперты в Центральной Азии сразу же начали экстраполировать логику событий на Украине на суверенитет республик региона. Для современной России Центральная Азия представляет одно из приоритетных направлений во внешней политике, поэтому от того, как будут восприняты украинские события в Центральной Азии, во многом зависят перспективы евразийской интеграции.

Российская Федерация имеет много общего с центрально-азиатским регионом (общность истории, культуры, экономическое сотрудничество, необходимость решения проблем в секторе безопасности). Этноконфессиональная близость многомиллионной общины тюркоязычных народов России (татары, башкиры, чуваша, якуты и др.), а также опыт их совместного многовекового проживания делает отношения России и республик Центральной Азии более доверительными.

Однако перспективы евразийской интеграции и республик Центральной Азии после Майдана в экспертном сообществе еще четко не определены. Вопрос об этих перспективах - это, пожалуй, в настоящий момент ключевая проблема российской политики.

Восприятие украинского майдана в Российской Федерации и республиках Центральной Азии

События на Украине сплотили российское общество. В стране наблюдается подъем патриотизма, национального самосознания, причем не только в среде этнических русских, а среди всех россиян. Республика Крым, как и вся Российская Федерация, - многонациональное образование, и ее присоединение позитивно восприняли, например, в Башкортостане и Татарстане. Те преференции, которые Москва предоставляет крымским татарам, позитивно воспринимаются и элитами субъектов Российской Федерации с преобладающим тюркоязычным населением, так как это выступает свидетельством верности выбранного Москвой курса на сохранение культурного плюрализма.

Как показывают данные ВЦИОМ, Левада-центра и др., около 90 % населения страны поддерживает вхождение Крыма в состав России. Явных противников вхождения Крыма в состав России нет, есть только часть населения, которая опасается дальнейшей эскалации конфликта.

Среди политиков также почти все поддерживают вхождение Крыма в состав России. В условиях необычно высокой, обладающей мобилизующим потенциалом поддержки населения, любые заявления против вхождения Крыма в состав России, неизменно привели бы к потере политического капитала акторами этого поля. Пожалуй, единственное исключение - А. Навальный и либерально мыслящие элиты (И. Прохорова, Г. Явлинский, Б. Немцов), пытающиеся собрать разрозненную группу людей под условным названием «средний класс».

Восприятие большинством населения санкций со стороны Запада полностью вписывается в тот информационный фон, который транслируется в российском обществе СМИ. В этом плане, любые информационные поводы о возможных санкциях Запада в отношении России, даже самые малозначительные и смехотворные (такие, например, как прекращение военного сотрудничества Канады с Россией), работают на консолидацию российского общества. Исходя из этого, санкции воспринимаются скорее не как оправданные, а как стремление Запада ослабить Россию любыми средствами.

Что же касается экономических санкций, то большинство населения не верит в их осуществимость. Однако введение санкций в средне- и долгосрочной перспективе ослабит позиции России в мировой торговле. Внутри России можно ожидать ухудшения положения среднего класса, численность которого имеет тенденцию к росту, но все же эта категория населения пока не является преобладающей в российском обществе.

Возвращение Крыма в состав России и ошеломляющая реакция на это

киевских властей и их западных патронов обнажили важные проблемы российской экономики. Недопустимой является ситуация, когда элементарная оплата кредитной карточкой, например, продуктов питания, осуществляется через платежные системы США. Угрожая санкциями России, Запад лишь показал одну из болевых точек экономики, которая должна быть устранена путем создания национальной платежной системы.

В России всегда были сильны позиции этатизма и патернализма. В этом плане, конечно же, большинство населения страны воспринимает воссоединение России и Крыма как восстановление исторической справедливости. Сейчас у России есть национальный лидер – В. Путин, продемонстрировавший всем, что является одним из самых авторитетных политиков в мире.

Киевский Майдан Незалежности (февраль 2014 г.)

Внешнеполитические эффекты от воссоединения России и Крыма гораздо сложнее. Для перспектив евразийской интеграции было бы лучше вхождение всей Украины в Таможенный союз, однако этого достичь не удалось по причине агрессивного противодействия Запада и, в первую очередь США. Не оправившаяся до конца от последствий майданизации Украина и Россия, по-прежнему взаимосвязаны экономически и культурно, однако охлаждения отношений избежать не получится. Впрочем, скорее всего, этот период продлится меньше, чем аналогичный этап российско-грузинских отношений.

Возвращение Крыма в Россию поставило в непростое положение руководство республик Центральной Азии, которые через Министерства иностранных дел (МИД) должны были дать официальное видение ситуации.

В настоящее время Центральная Азия - это дифференцированный в плане внешнеполитических ориентаций регион, что, несомненно, сказалось на оценках событий на Украине.

Туркменистан. Официальный Ашхабад ожидаемо воздержался от каких-либо суждений по поводу событий на Украине. Такая позиция подтверждает верность курсу нейтралитета и полной незаинтересованности относительно дел других государств, включая соседей. Эта позиция, похоже, уже стала частью внешнеполитического ландшафта Евразии и не вызывает ни у кого желания побудить Г. Бердымухамедова изменить свою позицию, ввиду полной бесперспективности затеи.

Узбекистан. Наиболее прозападную позицию в крымском вопросе занял Узбекистан. МИД этой республики выступил с заявлением, в котором не упоминается референдум в Крыму, но говорится о «территориальной неприкосновенности и политической независимости любого государства». Узбекистан, как отмечается в заявлении, принимая во внимания «вековую близость украинского и русского народов», выступает за «проведение прямых двусторонних переговоров».

Довольно осторожное заявление Ташкента свидетельствует, прежде всего, о нежелании вмешиваться в украинские события. Однако в высказывании, пусть косвенно, но все же прослеживается западное влияние. Вполне возможно, что именно Узбекистан после 2014 г. станет одним из оплотов США в Центральной Азии.

Таджикистан. Пожалуй, наибольшую дипломатическую искусность проявил МИД Таджикистана. Отказавшись напрямую от оценок крымского референдума, глава таджикского МИД С. Аслов сравнил нынешнюю ситуацию на Украине с гражданской войной в Таджикистане, резко осудив, тем самым, Майдан.

Кыргызстан. А вот МИДу Кыргызстана не удалось избежать намеков на двусмысленности. С одной стороны, официальный Бишкек 11 марта 2014 г. заявил, что президент В. Янукович - нелегитимен, а единственным источником власти на Украине является народ. Однако после проведения референдума в Крыму МИД Кыргызстана признал его итоги. Несмотря на формальную логичность этих заявлений, они вызвали неоднозначную реакцию, которую несколько позднее президент республики А. Атамбаев несколько усугубил своими высказываниями.

Казахстан. И, наконец, Казахстан, на который западные политики оказывали больше всего давления, фактически признал результаты крымского референдума. В прессе было много спекуляций на тему «друзья проверяются в беде». Ряд экспертов отмечал, что после Крыма Россия может оказаться в одиночестве, так как Астана никогда не поддержит решение крымчан о присоединении к России, поскольку это создаст неблагоприятный прецедент и станет угрозой суверенитету самого Казахстана, в ряде районов северной части которого преобладают этнические русские. Однако эти

спекуляции так и остались спекуляциями. Астана, как и Минск, фактически признали итоги крымского референдума, а Н. Назарбаев показал, что является верным сторонником евразийской интеграции и не рассматривает всерьез спекуляции по поводу Северного Казахстана, о которых так долго говорят в западных СМИ. Отвечая на вопрос о возможном влиянии украинских событий на евразийскую интеграцию, Н. Назарбаев в конце марта 2014 г. ответил: «не повлияет никак... Российско-украинские события взволновали и наше население тоже... Интеграционный союз, в рамках ОДКБ, является защитой от того, что такое у нас не может повториться».

Позицию элит республик Центральной Азии по событиям в Украине можно считать ожидаемой. Характерно, что все страны, кроме Кыргызстана, попытались избежать паллиативных заявлений, что свидетельствует о наличии в республиках Центральной Азии своей точки зрения на украинский кризис.

Тем не менее, в общественном сознании республик Центральной Азии украинский кризис породил целый каскад факторов, включая идеологемы и фобии общественного сознания, представляющие угрозу евразийским интеграционным инициативам России в регионе. Среди них:

1. Искаженное восприятие евразийской интеграции, согласно которому цель В. Путина якобы заключается в агрегации республик Центральной Азии в единое с Россией политическое пространство.

2. Предвзятые оценки евразийской интеграции как прямой угрозы суверенитету молодых республик Центральной Азии.

3. Настойчивое стремление с активным участием западных центров силы размыть в восприятии молодого поколения жителей республик Центральной Азии позитивного образа победы всех народов Советского Союза во Второй мировой войне.

4. Западная идеологема об экспансионистском характере внешней политики России, ориентированной, вслед за «аннексией» Крыма, на присоединение Северного Казахстана.

5. Навязывание общественности Казахстана и Кыргызстана искаженного мнения о якобы невыгодном характере экономических и торговых контактов в рамках евразийских интеграционных структур (Таможенный союз, Евразийский экономический союз).

6. Стремление к искусственному наращиванию влияния националистов и русофобов на внутривнутриполитическую жизнь Казахстана и Кыргызстана.

Современный ландшафт евразийской интеграции

Прошло свыше двадцати лет с момента обретения республиками Центральной Азии независимости. Для национального строительства это сравнительно небольшой срок. Напомним, что республики Центральной Азии не хотели выхода из СССР, который инициировали Президенты России (Б. Ельцин) и Украины (Л. Кравчук), а также Председатель Верховного Совета Белоруссии (С. Шушкевич).

Внезапный распад СССР привел к нарушению хозяйственных и культурных связей между республиками СССР, что крайне негативно сказалось на республиках Центральной Азии. После обретения независимости во всех центрально-азиатских государствах произошел спад темпов роста ВВП на душу населения¹. К сожалению, не обошлось и без кровопролития. В Таджикистане в 1992 г. началась гражданская война, которая продолжалась до 1997 г. и унесла жизни десятков тысяч человек.

Чтобы ни говорили нынешние националисты в республиках Центральной Азии - советская модернизация является важнейшим этапом развития Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. Именно в период 70-летней советской истории были заложены основы государственности нынешних республик Центральной Азии, завершился этногенез титульных этносов, осуществлена всесторонняя и масштабная модернизация республик Центральной Азии.

Сейчас в республиках Центральной Азии очень хорошо понимают необходимость экономических и торговых контактов с Россией. Со всеми государствами региона Российская Федерация наращивает объемы экономического сотрудничества. Однако сотрудничество до сих пор носит несбалансированный характер. Российские поставки во все страны возрастают, а импорт везде уменьшается.

Сравнив показатели 2012 г. и 2013 г., можно констатировать, что российские поставки во все страны увеличиваются (Казахстан - 13,6 %; Узбекистан - 18,9 %; Кыргызстан - 16,9%; Таджикистан - 6,5 %; Туркменистан - 31,3 %), а импорт в Россию уменьшается (Казахстан - 9,2 %; Узбекистан - 10,8 %; Кыргызстан - 43,7 %; Таджикистан 42,8 %; Туркменистан 30,4 %)².

Казахстан. В 2013 г. объем взаимной торговли, по сравнению с 2012 г., увеличился на 4,6% и составил 26,5 млрд. долларов США. Российские поставки возросли на 13,6% (до 17,5 млрд. долларов США), тогда как ввоз из Казахстана в Россию снизился на 9,2% (до 9,0 млрд. долларов США).

Узбекистан. В январе - ноябре 2013 г. товарооборот России и

---

¹ Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М.: Красная звезда, 2010. - С. 159.

² Данные Министерства экономического развития Российской Федерации.

http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicsng/doc20140203_23

Узбекистана увеличился, по сравнению с аналогичным периодом 2012 г., на 7,5 % и составил 3598,0 млн. долларов США. Российский экспорт вырос на 18,9% - до 2454,1 млн. долларов США, а импорт уменьшился на 10,8% - до 1143,9 млн. долларов США.

Кыргызстан. В 2013 году объем взаимной торговли двух стран, по сравнению с 2012 годом, увеличился на 16,9% и составил 2139,6 млн. долларов США, при этом российский экспорт вырос на 24,2% (до 2029,5 млн. долларов США), а импорт из Киргизии уменьшился на 43,7% (до 110,1 млн. долларов США).

Таджикистан. В январе - ноябре 2013 г. объем товарооборота России с Таджикистаном составил 688,5 млн. долларов США (увеличение к январю - ноябрю 2012 г. - на 1,9%). При этом экспорт увеличился на 6,5% (до 653,0 млн. долларов США), а импорт уменьшился на 42,8% (до 35,5 млн. долларов США).

Туркменистан. В январе - ноябре 2013 г. объем российско-туркменского товарооборота составил 1450,3 млн. долларов США и увеличился на 22,1%, по сравнению с аналогичным периодом 2012 года. При этом поставки из России в Туркменистан увеличились на 31,3% (до 1327,6 млн. долларов США), а поставки из Туркменистана в Россию уменьшились на 30,4% (до 122,7 млн. долларов США)¹.

Емкий, с большим потенциалом роста² внутренний рынок республик Центральной Азии открывает широкие возможности для российских предприятий и банков.

Уменьшение экспорта товаров в Россию свидетельствует о том, что в постсоветский период экономика республик Центральной Азии развивается медленнее экономики постсоветской России. Сейчас торговый оборот между соседними республиками в регионе не превышает 15-16 %. Такое положение экономически затратно, ущербно и не имеет будущего. Интегративный потенциал республик Центральной Азии сам по себе невысок. **Единственный выход — интегрированная экономика. Интеграция позволит развивать в Центральной Азии более наукоемкое и энергоемкое производство**³.

Несмотря на кардинальные различия экономик, например, Казахстана и Таджикистана, большинству стран Центральной Азии свойственны схожие экономические проблемы, такие, например, как монополизация внутреннего рынка, слабая диверсифицированность экономики, безработица, неразвитость хозяйственной инфраструктуры и высокий уровень коррупции. Внутриэкономические проблемы приводят к росту трудовой миграции, в

---

¹ Там же.

² Население региона за постсоветский период увеличилось более чем на 20 млн. человек и составляет сейчас порядка 70 млн. человек.

³ Пиримбаев Ж. Главным вызовом Центральной Азии сегодня является подрастающая армия безработных // URL: <http://www.stanradar.com/news/full/8732-glavnym-vyzovom-tsentralnoj-azii-segodnja-javljaetsja-podrastajuschaja-armija-bezrobotnyh-ekspert.html> (Режим доступа: 20.04.2014 г.).

первую очередь, в Россию.

Во многом разноразноуровневость потенциалов стран Центральной Азии и России приводят к тому, что евразийская интеграция не всегда осуществляется достаточными темпами.

Наиболее очевидно это на примере Узбекистана и Туркменистана. Поэтому дискуссия о том, какая из центрально-азиатских стран могла бы взять на себя роль руководящего центра региона, несостоятельна или, по крайней мере, преждевременна. Казахстан равноудален от всех государств, Кыргызстан и Таджикистан сталкиваются с огромным количеством внутренних проблем и а priori на такую роль претендовать не могут, остальные же государства проводят политику изоляции. Следовательно, возникает вопрос о внешних силах. Варианты здесь прежние - США, Китай, Россия и, при определенных раскладах, Турция и арабские страны.

Турецкое влияние в Центральной Азии имеет место, однако Анкара на роль активного игрока такого большого региона явно не подходит. Об этом свидетельствует во многом чисто декларативная деятельность Совета стран тюркоязычных государств. Более того, в саммитах этой организации практически не принимают участие Узбекистан и Туркменистан¹. Снижает значимость организации и то, что в ее работе не принимает участия Россия, около 16 миллионов населения которой относятся к тюркоязычным этносам.

Увеличение арабского влияния в перспективе возможно, и связывается с все более ощутимым ренессансом Ислама в Центральной Азии, а также с его радикализацией, что особенно заметно в Кыргызстане и Таджикистане. Тем не менее, светский характер политических систем региона четко обозначает пределы этого влияния.

Несмотря на несколько ощутимых фиаско, которые они потерпели в последнее время, США из региона уходить не собираются. При этом вряд ли Вашингтон будет предлагать какие-либо реалистичные интегративные проекты в Центральной Азии. Скорее всего, США ограничатся лишь сотрудничеством с отдельными государствами в прагматичном контексте. Наиболее вероятный кандидат в этом направлении - Узбекистан, где недавно открылось представительство НАТО.

Возможности экономического сотрудничества США и республик Центральной Азии в складывающейся конфигурации значительно снижаются. Стратегия «New Silk Road» («Новый Шелковый путь») Вашингтона проявляет

---

¹ Посещение Г. Бердымухамедова саммита в Бодруме (Турция) 4-5 июня 2014 г. стало первым случаем участия в таком мероприятии Президента Туркменистана за всю историю.

слабые признаки жизни, а санкционная политика США вызывает обоснованную критику в Центральной Азии, так как она отчасти влияет и на них тоже, а кроме того нарушает принцип глобальной торговли и свободного рынка.

Китай обладает большим потенциалом по наполнению экономик региона. Однако в идейном плане Пекин не может предложить ничего конструктивного Центральной Азии, поэтому он, скорее, озабочен не формированием идентичностей, а нейтрализацией негативного восприятия Поднебесной в Центральной Азии. В то же время, Китай, в потенциале, способен снести своей мощью всю государственность республик региона.

Государства Центральной Азии готовы лишь к поэтапному расширению экономического сотрудничества с Китаем. Стремительное наращивание масштабов такого сотрудничества приведет республики Центральной Азии к полной зависимости от Поднебесной. Молодые суверенные государства Центральной Азии явно не готовы к созданию зоны свободной торговли с Китаем.

Подавление китайскими войсками восстания в Урумчи (КНР)

К тому же в республиках Центральной Азии склонны проводить параллели с положением уйгуров в Поднебесной. В последнее время Пекин взял курс на ужесточение политики подавления культурной самобытности коренного населения в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе, что значительно ограничивает привлекательность китайских интеграционных инициатив в Центральной Азии.

Некоторые эксперты, анализируя роль России, безапелляционно отмечают, что Москва уже не в состоянии предложить республикам Центральной Азии что-то конструктивное: «...Что она (Россия) реально может предложить, имея схожую модель и структуру экономики, пусть и немного большую по своему масштабу?»¹ - вопрошает антиевразийски настроенный эксперт. Критикуя интеграционные инициативы Москвы, эксперт, напротив, вскрывает их онтологическую и историческую обусловленность.

Центральная Азия - это не некая изолированная и застывшая конструкция, данность. Долгое время в западном экспертном сообществе был популярен термин «Кавказия». А сейчас США стремятся к нивелированию границ между Центральной Азией и Афганистаном. По сути, провоцируется создание единого пояса нестабильности. Так же Вашингтоном, например, рассматривается в качестве стратегии действия концепция «Афпак», предполагающая нивелирование различий между Афганистаном и Пакистаном.

Россия же предлагает процесс интеграции с куда более выигрышными в экономическом и культурном отношении территориями. Сегодня в Центральной Азии с нескрываемым опасением говорят о сотнях тысяч китайцев, уже проживающих в Кыргызстане и Таджикистане. Тогда как русскоязычное население этих и других республик Центральной Азии негативных эмоций не вызывает, по вполне понятной причине: оно уже давно адаптировалось, приняло традиционные ценности народов региона и не представляет собой угрозы идентичностям титульных наций.

Давление Запада на постсоветское пространство по логике должно препятствовать евразийской интеграции, однако, если рассуждать диалектически, то оно, напротив, только способствует объединению. Постмайданная Украина - это наглядный урок краха целого политического режима, сделавшего неверную ставку на «западные ценности», который элиты Центральной Азии проецируют на свои собственные государства. Поэтому гораздо более привлекательной для элит Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана является евразийская интеграция, свободная от взаимоувязывания принципов экономического сотрудничества с характером демократичности/авторитарности правящего режима, как это делает Запад. **Логика евразийской интеграции исходит из двух простых посылов: деполитизированное экономическое сотрудничество и совместное решение проблем в секторе безопасности.**

Сейчас в силу того, что между странами Центральной Азии много нерешенных вопросов (пограничные конфликты, проблемы совместного пользования гидроресурсами, поставки углеводородов, конфликты между элитами разных стран и др.), интеграционные проекты развиваются не так

---

¹ Кыдырбекулы Д. Казахстан занял равноудаленную позицию по отношению к соседям // URL: <http://www.regnum.m/news/1759821.html#ixzz32ctK7ISH> (Режим доступа: 20.05.2014 г.).

стремительно. Поэтому для углубленной интеграции необходимо, чтобы государства Центральной Азии стали более суверенными, с выстроенной системой государственного управления, и, соответственно, менее чувствительными к внешним угрозам, в том числе и инструментам пропагандистского воздействия.

Готовность к углублению интеграционных связей напрямую связывается с уровнем развития государственности. Неслучайно, например, Казахстан гораздо ближе к интеграции, чем Таджикистан. Характерно, что только в Казахстане пока официально рассуждали о становлении евразийской идентичности в качестве базовой. При этом позиции националистов в стране сильны: как показывают замеры общественного мнения, в Казахстане 40 % респондентов относятся враждебно к межэтническим бракам, тогда как нормально лишь 12 %¹.

В Казахстане все отчетливее прослеживаются сегрегационные возможности использования медийных возможностей акторов русскоязычного и казахоязычного информационного пространства. Углубление разности содержания транслируемых в этих медиaprостранствах информационных сообщений в среднесрочной перспективе способно привести к поляризации общества, активизации русских националистов и эскалации масштабных этнических конфликтов.

Такое развитие событий выгодно западным акторам, которые, соответственно, заинтересованы в усилении в медийной сфере позиций казахстанских националистов (А. Сарым, Ж. Туякбай, И. Амантай, Р. Жумалы и др.). Акорда не монолитна. Там есть силы косвенно поддерживающие националистов, так как ей в некоторой степени выгоден антиевразийский фон, поскольку он может быть использован для побуждения Москвы к предоставлению больших преференций Астане, а также поспособствует моноэтнизации Казахстана.

К мнению о зависимом характере националистов, их неспособности предложить другие векторы развития страны склоняет их крайне невнятно сформулированная позиция. По сути, националисты призывают не участвовать ни в каких интеграционных объединениях, «просто подождать и все обдумать».

Сама евразийская интеграция подается националистами в стилистике колониального дискурса. Критика евразийской интеграции носит тотальный, крайне поляризованный характер. Среди наиболее уязвимых для евразийской интеграции положений следует отметить следующие весьма тенденциозные и несоответствующие действительности аспекты:

1. Утрата после украинского кризиса Россией авторитета, позволяющего ей осуществлять в Казахстане мягкую силу в виде развития

---

¹Михайличенко Д. Национальный вопрос в Казахстане - тренд очевиден? // URL: <http://www.stanradar.com/news/full/9786-natsionalnvi-vopros-v-kazahstane-trend-ocheviden.html> (Режим доступа: 12.05.2014 г.).

«русского мира» (язык, культура, история).

2. Авторитарный, поверхностный и коррупционный характер евразийской интеграции, не предполагающий активного обсуждения преимуществ/недостатков от участия в этих процессах Казахстана в обществе.

3. Обличение российского протекционизма, не склонного допускать казахстанскую продукцию на российские рынки.

Тем не менее, Казахстан больше других республик Центральной Азии подготовлен к конструированию интеграционных процессов и возможностям получить больше преференций от этого.

Реализация отмеченных тенденций позволит элитам Центральной Азии меньше опасаться за свою безопасность и перейти от логики действий по принципу «то, или это» к логике «как то, так и это», что, в конечном счете, обозначит новые горизонты центрально-азиатской интеграции.

Однако самая главная причина пробуксовки евразийской интеграции заключается в позиции внешних акторов. Больше всего заинтересован в крахе евразийской интеграции Запад. США устами бывшего госсекретаря Х. Клинтон, известной своим антироссийским настроем, выразили это довольно просто и цинично: «США постараются не допустить воссоздания Советского Союза в новой версии под вывеской экономической интеграции, - заявила Клинтон. - Сейчас делаются усилия по ресоветизации региона. Это будет называться по-другому - Таможенным союзом, Евразийским Союзом, или еще как-нибудь в этом роде. Но не будем обманываться на этот счет - мы знаем, какова истинная цель, и пытаемся найти эффективные способы замедлить и предотвратить это»¹.

В то же время, российское общество в целом положительно воспринимает интеграционные инициативы Кремля. В России все страны бывшего Советского Союза, кроме, возможно, прибалтийских, воспринимаются как единая ойкумена, общее культурное, экономическое и социальное пространство.

Для граждан огромной Российской Федерации не принципиально, где будут пролегать границы между суверенными государствами, главное, чтобы была возможность свободно перемещаться, торговать и развивать социокультурные контакты. Также важными являются параметры коллективной безопасности. Россия, как самая большая по территории страна в мире, обречена постоянно заниматься вопросами не только национальной, но и ² коллективной безопасности Евразии, что, в свою очередь, детерминирует ее геополитическую активность в Центральной Азии.

Единственное, что не может не беспокоить граждан России - это фактор трудовых мигрантов из Центральной Азии. В этом вопросе много

---

¹ Заявления Клинтон о Евразийской интеграции спровоцировали напряжение между Россией и США/ОКБ: <http://www.newsfiber.com/p/s/h?v=ESEmH7UivO8E%3D+RRkxCzsB5xw%3D> (Режим доступа: 19.05.2014 г.).

политизированности, к сожалению, есть и определенная мигрантофобия. Думается, что для успеха евразийской интеграции политическим элитам в России и республиках Центральной Азии необходимо сконцентрироваться на этом вопросе. Потоки трудовых мигрантов - мегатренд развития Евразии, нужно создать соответствующие условия для того, чтобы восприятие общественностью этого процесса было не ксенофобским и алармистским, а взаимовыгодным и гармоничным.

В остальном же, россияне относятся к евразийской интеграции как к рабочему, прагматичному, и в то же время, исторически оправданному, отвечающему стратегическим целям развития страны внешнеполитическому вектору. Ни общество, ни элиты, таким образом, не склонны к политизации этого процесса.

Примерно 70-80 % населения России поддерживают процессы евразийской интеграции. Сопоставимы показатели поддержки и в республиках Центральной Азии (Узбекистан - 77 %; Таджикистан - 72 %; Туркменистан - 50%; (Казахстан - 80 %; Кыргызстан - 72 %). Тем не менее, в Центральной Азии часто слышны и голоса противников евразийской интеграции.

За постсоветский период в республиках Центральной Азии сформировалась целая прослойка людей, зарабатывающих на жизнь политикой. Это политические деятели, всевозможные эксперты, аналитики, журналисты, руководители некоммерческих организаций и ученые. Эти люди, дабы оправдать свое существование, склонны придавать политизированный подтекст самому широкому спектру явлений в республиках Центральной Азии. Именно поэтому ряд экспертов, например, в Казахстане видят в интеграционных процессах Евразии политический подтекст и стремление России ограничить суверенитет Казахстана.

Придание общественным отношениям большей политизации - важнейшая характеристика постсоветского существования таких государств, как Казахстан, Кыргызстан. В Узбекистане, и, тем более, Туркменистане, ситуация не сильно изменилась со времен Советского Союза: общественные отношения остаются максимально деполитизированными, а реальной альтернативой правящих режимов выступает радикальный Ислам.

С одной стороны, Казахстан и Кыргызстан, при всем их различии, Узбекистан и Туркменистан, а также, отчасти, Таджикистан, выстраивают различные модели государственного строительства. Если Казахстан и Кыргызстан пытаются реализовывать многовекторность и допускают свободу мнения во внутривнутриполитическом процессе, то остальные республики Центральной Азии идут по закрытому варианту общественных отношений.

Особенностью первой модели является значительная политизация общественных отношений, второй - полная закрытость, стремящаяся к герметичности и подавлению альтернативных точек зрения по самому широкому спектру вопросов. Эти процессы проходят в Центральной Азии на

фоне доминирования кланово-племенных структур в социальных отношениях и неокрепших политических институтов, не имеющих длительного опыта собственной государственности.

Суверенитет республик Центральной Азии как неотъемлемый элемент евразийской интеграции

Реалии евразийской интеграции наталкиваются на препятствия в виде восприятия населением внутривполитических процессов в категориях традиционных социальных регуляторов, таких как клановые и родовые связи. Даже советская модернизация не смогла нивелировать эти ментальные схемы. В период существования СССР можно было наблюдать своеобразный тоталитарно-традиционный симбиоз, при котором негласно государственные посты распределялись между представителями различных родоплеменных элит. Все это «заливалось» соусом советской идеологии и подавалось в готовом виде населению.

С обретением республиками Центральной Азии суверенитета произошла полная реабилитация кланово-родственных ментальных схем, которые на первых порах были выгодны правящим режимам, так как они способствовали усиленной замене советской идеологии на этническую идентичность. К тому же, такая клановая идентичность выступала в качестве защитной реакции против идеологического влияния Запада.

Митинг представителя региональной элиты Кыргызстана, экс-мэра г. Ош М. Мырзакматова (январь 2014 г.)

Однако очень скоро эта форма структуризации политической сферы выявила свою ограниченность и опасность для правящих элит и, прежде всего, непосредственно для глав государств. В тех государствах, где власть президента достаточно сильна (Казахстан, Узбекистан), инерцию клановых противостояний удастся преодолеть, а там, где власть первого лица слабее (Таджикистан, и, особенно, Кыргызстан), значимость этого фактора по-прежнему высока. Так, например, в условиях коллапса формализованных структур современного Кыргызстана политические кланы прочно встроены в механизмы выдвижения элит. Каждый род Кыргызстана, насчитывает, как правило, несколько тысяч человек и остается в современных условиях фактором социальных гарантий для населения. Наличие в составе клана или рода высокого начальника автоматически укрепляет позиции всех членов, а его поражение, напротив, снижает статус клана.

На сегодняшний день в Кыргызстане зарегистрировано около 190 политических партий, новые объединения возникают очень часто, однако большинство из них существуют лишь в форме проекта, созданного «под» выдвижение того или иного представителя элиты. Реальную силу имеют не политические объединения и непонятные для большинства населения названия партий, а кланово-родовые связи, опираясь на которые, тот или иной политик участвует в борьбе и претендует на долю во власти. Такая система отношений

обязательно включает в себя характерные для всех центрально-азиатских республик отношения «патронажа», когда во всей пирамиде власти принято подбирать себе окружение из числа родственников или земляков.

Борьба между этно-клановыми структурами - это борьба за распределение бюджетных ресурсов, которая связана с расстановкой сил на ключевых постах государства. Основная цель таких структур - обеспечение адаптации населения к нестабильным условиям функционирования государственных институтов. Так, например, право в стране действует весьма избирательно и специфическим образом. Право, по сути, является квазирегулятором, который служит прикрытием беззакония и ширмой для других форм регуляции, таких как семейно-родовые, клановые и тому подобные. Противоречия между формальным правом и реальными типами регуляции заставляют население осуществлять стратегии своего социального поведения в категориях клановости и рода.

В этих условиях противникам евразийской интеграции при явном пособничестве Запада удастся манипулировать общественным сознанием. Несмотря на экономический характер евразийской интеграции, с подачи западных политтехнологов в общественное мнение республик Центральной Азии активно внедряется тезис о том, что евразийская интеграция в перспективе может разрушить суверенитет республик Центральной Азии.

Понятие суверенитет в т.н. Вестфальской системе международных отношений являлось структурообразующим для государственности элементом. В условиях глобализации, напротив, понятие суверенитет в значительной степени трансформируется, ряд исследователей даже говорит об эрозии суверенитета. Так, ученые выделяют негативный, позитивный и операционный суверенитет государства. Негативный суверенитет предполагает юридический, или формальный аспект государственного суверенитета, когда государство пользуется формальным признанием со стороны других государств в рамках международного права, а также обладает определенной долей действительной способности господствовать на своей территории. Позитивный суверенитет характеризуется способностью государства полностью распоряжаться своей территорией, будучи не только целиком независимыми от других государств, но и обладая возможностью обеспечения достойными условиями существования. И, наконец, политологи выделяют операционный суверенитет, который следует определять, исходя из контекста неравномерной глобализации, которая вынуждает государства уступать часть своего права на действие в обмен на участие в принятии важных коллегиальных решений.

Наиболее широко употребляемое определение глобализации характеризует этот процесс как рост взаимозависимостей между различными странами и сферами общества (экономикой, политикой и культурой). В то же время, рост взаимозависимостей является неотъемлемым условием укрепления государственности в эпоху глобализации. Как будет развиваться

экономика государства, которое не имеет рынков сбыта? Как возможно обеспечить мобильность капитала и трудовых ресурсов, не вступая в интеграционные структуры? Насколько эффективно государство может противостоять угрозам безопасности (наркотрафик, терроризм, экстремизм, контрабанда) без сотрудничества с другими странами? Это отнюдь не риторические вопросы. Ответы на них свидетельствуют о необходимости укреплять государственность посредством активного участия в интеграционных процессах.

К тому же, национальные интересы, также как и суверенитет, - это неоднозначные, сложносоставные характеристики. В эпоху глобализации акторы, формально принадлежащие тому или иному государству, отнюдь не обязательно будут следовать его интересам. Немецкий социолог Ульрих Бек выразил эту тенденцию довольно просто: «то, что хорошо Дойчебанку плохо Германии».

Отсюда следует, что «покушение на суверенитет» можно понимать очень вольно. Например, то, **что противоречит интересам представителей бизнеса в той или иной стране, вполне можно объявить угрозой суверенитету страны и попытаться обрести на этой теме политический капитал. Именно такова природа протестов против евразийской интеграции в Казахстане и Кыргызстане сегодня.**

Трансляция, составленных на этой основе идеологом в казахоязычном сегменте СМИ, способна сформировать устойчивые антироссийские и русофобские настроения, которые только усилят национальный и националистский крен развития государства.

Республики Центральной Азии - это очень молодые государства, идеология которых¹ строится на примате национальных ценностей. В таком случае, любые, даже самые позитивные интеграционные инициативы, частью общества могут быть восприняты критически, но только если политики будут манипулировать общественным мнением и искажать реальные факты. Сейчас это происходит как в Казахстане, так и в Кыргызстане. Как отметил С. Уралов, «большинство антиевразийских активистов в этих странах своими корнями уходят в штатовские, турецкие и европейские НКО. И в большинстве случаев отработывают вполне конкретную информационную кампанию. Активисты должны создавать информационные события, а антиевразийские СМИ должны эти события транслировать. Это стандартная и привычная технология».

В эпоху глобализации национальное мировоззрение становится все более и более анахроничным, оно не может дать адекватные ответы на многие вызовы современности. Так, экономический рост невозможен без новых рынков сбыта, обеспечение национальной безопасности трудно достичь без

---

¹ Уралов С. Вступление в Таможенный Союз - это не цель, а средство // URL: http://www.knews.kg/politics/43707_semen_uralov_vstuplenie_v_tamojennyiy_soyuz_-_eto_ne_tsel_a_sredstvo/ (Режим доступа: 24.05.2014 г.).

взаимодействия с другими странами, особенно в плане противодействия таким нетрадиционным угрозам сектора безопасности, как экстремизм, наркотрафик, терроризм, киберпреступность. К тому же, ограничение духовной синергии государственными рамками лишь ограничивает потенциал диалога культур.

Евразийский интеграционный проект создает предпосылки для экономической, культурной и социальной интеграции, что отвечает веяниям глобализации. Только сотрудничая в этой сфере, укрепляя сектор безопасности, можно развивать суверенитет государств. Здесь не работает логика «или суверенитет, или интеграция». Скорее уместна другая логика — «усиливая интеграцию, укрепляем суверенитет».

Логика евразийской интеграции не ведет к отказу от национальных культур и традиций, а лишь подчеркивает общность в многообразии уникальных идентичностей народов постсоветского пространства - историческую, культурную, хозяйственную, теллурическую. Евразия всегда развивалась как пересечение разных укладов, культур. Именно их взаимодействие, а подчас и противоборство, на протяжении нескольких тысячелетий определяют динамику развития континента.

Таким образом, главный и, пожалуй, единственный реальный противник евразийской интеграции - Запад. Украинские события последних месяцев (насилие на Майдане, боевые действия на Восточной Украине, сожжение сторонников федерализации в Одессе и др.) показывают, какими методами Брюссель и Вашингтон собираются препятствовать евразийской интеграции.

Евросоюз — мнимая альтернатива евразийской интеграции для республик Центральной Азии

Проекция украинских событий на республики Центральной Азии — это не фобии общественного сознания, а наглядный пример стратегии реализации геополитических интересов Брюсселя и Вашингтона.

Однако, если Кыргызстан, как стало принято считать, кроме Таможенного союза никаких иных альтернатив не имеет, то националисты и, особенно, либералы в Казахстане регулярно говорят о предпочтительности европейской интеграции.

Весной 2014 г. журналист Роджер Бойз из The Times написал статью, в которой содержатся рекомендации по «предотвращению воссоздания Москвой Советского Союза». Среди основных пунктов - давление на Газпром, организация суда над Януковичем, выяснение, не инициированы ли Москвой беспорядки на востоке Украины, а также поиск способов распространения западных информационных источников на востоке Украины. Помимо этих рекомендаций есть и еще одна. Через Tony Blair Associates, сотрудничающую

с официальной Астаной, Бойз советует попытаться уговорить Н. Назарбаева выйти из Таможенного союза.

Несмотря на то, что в статье Бойза содержатся лишь рекомендации, а не излагается постмайданная стратегия действия Брюсселя и Вашингтона, этот материал можно считать характерным для оценки потенциала западного влияния на постсоветском пространстве.

В сложившейся конфигурации Запад уже не может победить только посредством «soft power», поэтому раздражение и цинизм политиков из Вашингтона и Брюсселя стали тем фоном, на котором проходит борьба за Украину. Представляется, что возможная попытка уговорить Астану выйти из Таможенного союза будет разворачиваться лишь в навязывании «дискурса» посредством ряда идеологов, что предполагает:

1. Инициирование антиевразийских настроений в медиасреде.
2. Экстраполяцию крымского фактора на Север Казахстана.
3. Навязывание общественному сознанию идеологом о попытках В. Путина вернуться к Советскому Союзу.

Западные СМИ всячески пытаются политизировать тему евразийской интеграции, игнорируя то, что Казахстан находится в Таможенном союзе, и именно это обстоятельство является гарантом суверенитета государства. Любые вмешательства Запада в дела Казахстана могут только поспособствовать дестабилизации. Впрочем, можно с уверенностью прогнозировать, что дальше этого Запад не пойдет. В Казахстане власть и авторитет Елбасы не сравнимы с влиянием В. Януковича на Украине в бытность последнего президентом, что Запад в ближайшей перспективе изменить не сможет и, следовательно, осмотрительно воздержится от организации какой-либо майданной активности.

МИД Турецкой республики в Анкаре

Безусловно, нужно учитывать и геополитический фактор. Украина - государство, целиком находящееся в европейской части, тогда как лишь 12 % территории Казахстана географически относится к Европе. Турция, один из основателей Совета Европы, получившая ассоциированное членство с Европейским Экономическим Союзом еще в 1963 г., до сих пор не смогла войти в Евросоюз. С 2004 г. Анкара ведет безуспешные переговоры о вступлении в организацию. При этом территориально Турция находится гораздо ближе к Брюсселю, чем Казахстан. В этой связи, сделанное несколько лет назад робкое заявление Венгрии о присоединении Казахстана к программе «Восточное партнерство» выглядело фантазмагорически. Иллюзорность этой альтернативы очевидна, однако этот симулякр, с молчаливого согласия Акорды или без него, становится артефактом политической жизни Казахстана.

Происходящие на Украине события показывают, насколько губительными могут быть манящие взор обывателей мечты о Евросоюзе. Для Казахстана, наиболее успешно совмещающего в Центральной Азии традиции и модернизацию, угроза потери суверенитета или дестабилизации страны будет воспринята как национальная трагедия. И подавляющее большинство населения никогда на это не пойдет, в этом заинтересована лишь кучка т.н. активистов гражданского общества. На первый взгляд удивительно, что среди них нет сторонников китайской интеграции. Китай не занимается такой подрывной деятельностью в Центральной Азии, у него нет программ типа восточноевропейского партнерства, выгоду от которых на постсоветском

пространстве, по сути, получают лишь НКО и «правозащитники».

Представляется, что евразийская интеграция — если не неизбежный, то более чем вероятный вектор развития государств Центральной Азии. Ни молодые государства Центральной Азии, ни Россия не ориентированы на политическое измерение этого процесса, однако агрессивная политика Запада может лишь ускорить и углубить евразийскую интеграцию.

Республики Центральной Азии нуждаются в интеграции. Например, демографические показатели стран Центральной Азии, в частности, высокая доля молодого населения в среднесрочной перспективе вынудят республики Центральной Азии к углубленной интеграции.

Так, например, в Кыргызстане отмечен высокий уровень рождаемости в семьях с невысоким достатком. Аналогичная тенденция и в Узбекистане и Таджикистане.

В отличие от республик Центральной Азии, в западных странах, прослеживается обратная взаимосвязь, чем выше уровень обеспеченности населения, тем ниже рождаемость. В республиках Центральной Азии низкое социальное обеспечение населения буквально вынуждает жителей увеличивать семьи, в надежде на то, что дети потом смогут позаботиться о родителях. Однако здесь не следует забывать о важности конфессионального фактора, ведь в Исламе считается, что детей должно быть столько, сколько послал Аллах.

Средний возраст в странах ЕС - 39 лет, в России почти такой же показатель (39,27 лет), а вот в республиках Центральной Азии показатели среднего возраста населения гораздо ниже. В Кыргызстане, например, он составляет 26,2 года, а в Таджикистане и вовсе 22,6 лет.

При этом, по прогнозам демографов, в первой половине XXI в. рост населения в Центральной Азии продолжится, следовательно, население будет молодеть. Эта тенденция имеет не только социально-экономическое, но и политическое измерение.

Как отмечает исследователь Д. Гладстоун, молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15-24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных потрясений, включая и важнейшие революции XX века в развивающихся странах - произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры¹.

Для примера, в Кыргызстане после 1991 г. наблюдается устойчивый рост молодого населения. Если в 1999 г. в стране насчитывалось 818 тыс. человек в возрасте от 20 до 29 лет, то в 2013 г. их насчитывается уже 1 144

---

¹ Революция бугров и разломов // URL: <http://topwar.ru/17138-revolyuciya-bugrov-i-razlomov.html> (Режим доступа: 24.05.2014 г.).

тыс. человек.

Вкупе с невысоким уровнем жизни этот фактор дает высокие риски политических трансформаций, в том числе и революционного характера.

В Таджикистане и Узбекистане динамика носит аналогичный характер, однако политологи не склонны говорить о предпосылках масштабных политических трансформаций. Скорее прогнозы касаются возможности смены элит в результате «дворцовых переворотов». Это, на наш взгляд, вызвано особенностями политических систем этих государств. Политическая система Кыргызстана гораздо демократичней, чем у соседей, а, следовательно, и подвержена большим рискам трансформаций, как легитимных, так и революционных, аналогичных тем, что уже были в стране в 2005 и 2010 гг.

Исходя из этого, следует заключить, что Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан жизненно заинтересованы в направлении своей пассионарной силы в виде молодежи в другие страны. Вопросы миграционной политики должны стать определяющими для этих государств, а их эффективное решение возможно на пути евразийской интеграции. **Вступление в Таможенный союз, откроет возможности беспрепятственного перемещения рабочей силы и значительно снизит, тем самым, риски политических и экономических потрясений в республиках Центральной Азии.**

Сейчас евразийская интеграция находится на той стадии, когда ее политизация неуместна, для этого просто нет оснований. Трудно отрицать, что в будущем возможно формирование единого, в том числе и в политическом плане, пространства, но сейчас до этого далеко, этот вопрос на повестке дня не стоит. Соответственно и отношение у большинства населения стран-участниц Таможенного союза деполитизированное, адекватное ритму интеграции.

В то же время, евразийская интеграция пока происходит больше всего в сфере энергетического сотрудничества, так как в ней больше заинтересованы элиты и крупный бизнес. Однако с углублением евразийской интеграции все больше субъектов хозяйственной активности будут приобретать выгоды. Например, сейчас в плане популяризации евразийской интеграции очень важно создать благоприятные условия для поставки сельской продукции кыргызстанских фермеров на рынки стран Таможенного союза.

Простые граждане смогут ощутить на себе мультипликационный эффект евразийской интеграции только в связи с развитием рынка труда. В дополнение к соглашению между Россией, Казахстаном и Белоруссией о Едином экономическом пространстве (действует с 1 января 2012 г.) Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), подписанный 29 мая 2014 г., предполагает признание документов об образовании стран-участников, вводится понятие «заказчик услуг», который в отличие от «работодателя» может быть и физическим лицом, а пенсионное обеспечение трудящихся регулируется законодательством постоянного проживания. Эти изменения,

безусловно, повышают мобильность трудовых ресурсов и способствуют развитию интеграционных процессов.

Помимо этого, в свете готовящегося вывода Международных сил содействия безопасности из Афганистана, основания для евразийской консолидации будут только возрастать: без взаимодействия России и республик Центральной Азии невозможно обеспечение коллективной безопасности Евразии.

Постмайданная стратегия евразийской интеграции Москвы

В сложившейся конфигурации Москве важно соблюдать тонкий баланс: реализовывать свои интересы через оказание помощи, но не переходить те грани, за которыми оказание помощи будет выглядеть как прямое геополитическое давление¹.

Помимо этого, для имиджа России на постсоветском пространстве очень важна поддержка Москвой русскоязычного населения. Эта группа населения, вне зависимости от этнического происхождения, исторически рассматривает многонациональную Россию как свою вторую Родину, а ее культуру как важный мировоззренческий ориентир. Если руководство России продемонстрирует республикам Центральной Азии пристальную заботу о своих соотечественниках, ее авторитет в лице своих граждан и на всем постсоветском пространстве только вырастет.

Поэтому в республиках Центральной Азии необходимо оказывать всестороннюю поддержку русскоязычному населению. За постсоветский период этот сегмент центрально-азиатских обществ сократился, но все же остается значительным. По разным оценкам численность знающих русский язык граждан в Казахстане составляет 95 %, в Кыргызстане - около 40-50 %, в Узбекистане - около 14 %, Туркменистане около 12 %, а в Таджикистане примерно 10 %.

Готова ли Москва сформировать свои постмайданные принципы ведения внешней политики в Евразии?

В соответствии с изменениями в законе «О гражданстве Российской Федерации» (от 20.04.2014 г.) коренные этносы Российской Федерации, проживающие в республиках Центральной Азии, имеют право на получение на упрощенной основе гражданства Российской Федерации. Необходимым условием является отказ от гражданства другой страны, знание русского языка и наличие родственников в России.

---

¹ Наумкин, В.В. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители / В.В. Наумкин и др. // Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига, 2013. - С. 63.

Безусловно, законопроект инициирован событиями на Украине. Однако и для республик Центральной Азии принятие этого документа может иметь огромное значение. Прежде всего, необходимо отметить, что доля русскоязычного населения в Центральной Азии, несмотря на некоторые сокращения, остается значительной. Эта часть населения республик Центральной Азии ожидает, что Россия будет выстраивать свои геополитические конфигурации в Центральной Азии с учетом и их интересов.

С одной стороны, законопроект направлен на деполитизацию евразийской интеграции. Поскольку межэтнические отношения всегда политизированы, потенциальный отток русскоязычного населения из Центральной Азии позволит всем государствам продолжить усиленными темпами национальное строительство. С другой стороны, существует и риск политизации, так как уже сейчас ясно, что не получится избежать опасений общественности республик Центральной Азии и, главным образом, националистов о том, что Россия будет пытаться вмешиваться в суверенные дела республик Центральной Азии под предлогом защиты русскоязычного населения.

Впрочем, необходимость такого закона и изменений не вызывает нареканий. Россия может заслужить авторитет на международной арене только тогда, когда будет отстаивать не только свои экономические, но и культурные основы. В качестве примера можно привести высказывания казахстанских националистов о том, что Россия никогда не будет защищать интересы русскоязычного населения в Центральной Азии, так как Кремль интересуется только экономической выгодой в регионе. К сожалению, в последнее время Россия уделяла недостаточно внимания русскому миру, сейчас же, похоже, Москва пытается исправить ситуацию.

К сожалению, внутри России также находятся противники евразийской интеграции, которые своими имперскими высказываниями наносят ей ущерб (В. Жириновский, Э. Лимонов, А. Навальный и др.), осложняя хорошие отношения России с республиками Центральной Азии.

К тому же существует и вероятность того, что данный законопроект обусловлен сугубо политической конъюнктурой (события на Украине) и не будет иметь ощутимого воздействия на взаимоотношения России с республиками Центральной Азии.

Тем не менее, Москве в ближайшее время придется гармонизировать миграционную политику, поскольку важнейший компонент евразийской интеграции - потоки трудовой миграции в Евразии, это своеобразная интеграция снизу. Концентрация на территории России трудовых мигрантов из республик Центральной Азии, только по официальным данным, свыше 10 млн., а по неофициальным их в два раза больше, что позволяет нашей стране активно формировать интеграционную повестку для республик Центральной Азии, и в то же время возлагает на Москву особую ответственность за судьбу евразийского интеграционного проекта.

В 2014 г. втрое увеличено финансирование Государственной программы по переселению соотечественников из-за рубежа. За последние пять лет, по данным Министерства регионального развития, предоставленным по запросу одной из газет, в Россию въехали более 162 тыс. человек. Основной поток - из стран СНГ. В этом году ожидается приезд еще 50 тыс. соотечественников. На каждого из них из бюджета тратится по 60 тыс. руб. в год.

Активизация усилий российских властей в этом направлении свидетельствует о стремлении уменьшить объемы нелегальной трудовой миграции, прежде всего, из республик Центральной Азии. Сейчас же, к сожалению, большинство нелегальных трудовых мигрантов из Центральной Азии пребывает в России в ненадлежащих условиях, что только способствует проявлению ими девиантного поведения. Нелегалы, чаще всего, находятся в отрыве от своих семей, не имея регистрации, ютятся в «резиновых» квартирах или подсобных помещениях, что явно не способствует принятию ими социокультурных ценностей российского общества.

Поскольку потребности российской экономики в рабочей силе постоянно возрастают, уменьшить объемы нелегальной трудовой миграции необходимо только за счет увеличения доли легальных переселенцев. Успешность программы переселения соотечественников можно рассматривать в качестве действенного инструмента деполитизации проблемы трудовых мигрантов в России и снятия напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях в обществе.

В программе по переселению соотечественников из-за рубежа принимают участие не только коренное население Центральной Азии (узбеки, кыргызы, таджики и др.), но и русские, татары, украинцы и другие.

Как отметили в Министерстве регионального развития, количество соотечественников, готовых вернуться на историческую родину, достигает 20 млн. человек. Важно, что эти люди ориентированы на полную интеграцию в российском обществе, они готовы приехать на постоянное место жительства вместе со своими семьями. Такие цифры свидетельствуют о том, что Россия является привлекательной страной для многих граждан бывших советских республик.

Россия представляет собой многонациональное государство, в котором широко представлены славянское и тюркское начала. Родственное большинству коренных этносов Центральной Азии, тюркское начало, фактор тюркоязычного населения, гармонично вплетенного в российское общество, недостаточно эффективно позиционируется в интеграционных процессах Евразии.

На сегодняшний день, в этих республиках слишком мало политических сил, заинтересованных в укреплении региональной идентичности, а позиция сторонников общности тюркоязычного населения России и республик Центральной Азии звучит далеко не всегда.

Различные исследования показывают, что свыше 40 млн. этнических русских имеют тюркские корни. В России проживает около 16 млн. представителей тюркоязычных народов. Однако их позитивный опыт недостаточно хорошо транслируется в Центральной Азии. Более того, наблюдаются обратные тенденции, когда некоторые акторы в Центральной Азии пытаются использовать фактор тюркоязычного населения внутри России как свидетельство слабости федеративного государства. Так, в марте 2014 г. известный кыргызстанский политик Равшан Жээнбеков, комментируя ситуацию с Крымом, заявил буквально следующее: «...таких проблем внутри самой России насчитывается десятками. Тот же Кавказ, такие государства, как Татарстан, Башкортостан сейчас созрели в отношении национального самосознания, как раз стремятся к независимости».

Во-первых, Башкортостан - это субъект Российской Федерации, а не государство, как утверждает Р. Жээнбеков.

Во-вторых, в Башкортостане стремятся не к независимости, а к экономическому развитию. Общество и власть в республике предпочитает концентрироваться на экономическом и социальном развитии, а политическая целостность России всех устраивает.

Мечеть «Ляля-Тюльпан» в Уфе (Республика Башкортостан, РФ)

Республика Башкортостан (РБ) и Республика Татарстан (РТ), республики с преобладающим тюркоязычным населением - это сегодня наиболее передовые субъекты Российской Федерации. РБ и РТ - это аграрно, индустриально и постиндустриально развитые республики.

Согласно данным соцопросов, лишь малую толику населения этих республик беспокоят национальные отношения, а каких-либо инсинуаций относительно выхода из состава России вообще нет. Призывы со стороны

каких-либо сил об ограничении русского языка, которые позволяет себе тот же Р. Жээнбеков, воспринимались бы в Башкортостане и Татарстане как дикость необразованных националистов. Республика Башкортостан независима от национализма и русофобии, а права титульного этноса в ней никак не ущемляются.

Также крайне искаженное видение относительно статуса национальных меньшинств наблюдалось у ряда лидеров крымских татар. В период подготовки к референдуму о статусе Крыма ангажированные политические силы распространяли всевозможные страшилки, пугая населения Крыма фобиями времен холодной войны. Доходило до того, что в СМИ активно циркулировали слухи о депортации татар в случае вхождения Крыма в Россию.

В 1944 г. в отношении крымских татар было совершено преступление. Однако ответственны ли за него только русские? Не правильней ли было винить номенклатуру тоталитарного сталинского режима?

Постсоветская Россия сделала все возможное для того, чтобы исправить эту трагедию, порожденную тоталитарным режимом. В современной России действует закон о реабилитации жертв политических репрессий, в соответствии с которым пострадавшие, в том числе и в ходе депортации, включая и детей, родившихся в местах принудительного поселения, получают существенные льготы. Кстати за все время существования постсоветской Украины аналогичного закона в этой стране не было.

По итогам возвращения Крыма в Российскую Федерацию крымские татары получили ряд существенных преференций.

Во-первых, крымско-татарский язык стал государственным в новом субъекте Российской Федерации.

Во-вторых, крымские татары получили отличные возможности для развития своей культуры.

В-третьих, улучшилось их материальное положение. Особенно это коснется бюджетников и пенсионеров, военных и сотрудников правоохранительных органов. В регион придут серьезные инвестиции, будут даны новые импульсы развитию туризма и соответствующей инфраструктуры.

Принципиальная позиция Российской Федерации в рамках украинского кризиса выступила ярким свидетельством возрастающей мощи и авторитета России на международной арене, что позволяет Москве выступать в качестве надежного центра силы на постсоветском пространстве.

Подписание договора о Евразийском экономическом союзе в Астане (29 мая 2014 г.)

Пройденное Россией испытание украинским кризисом дает основания надеяться на то, что постмайданные интеграционные инициативы Москвы в Центральной Азии позволят процессам евразийской интеграции выйти на качественно новый уровень. Подписанный Российской Федерацией, Казахстаном и Беларуссией в Астане договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) только подтверждает эти надежды.

Заключение

В настоящее время Центральная Азия представляет собой дифференцированный в плане внешнеполитических ориентаций регион, однако ни одна геополитическая сила, кроме России, не имеет реальных проектов его интеграции. Китай выдвигает на первый план создание свободной экономической зоны, а США и Евросоюз, не имея возможностей масштабного присутствия в Центральной Азии, не рассматривают этот регион как самостоятельный и, по сути, занимаются дезинтеграцией и дестабилизацией региона.

Складывающиеся постмайданные геополитические конфигурации в Евразии свидетельствуют, что украинский кризис 2013/2014 гг. привел к усилению влияния Российской Федерации во всем мире. Украинский, а чуть ранее и сирийский кризис, отчетливо обозначили пределы влияния Запада на мировую политику. Мир стремительно движется к многополярности, в которой России отведена одна из ключевых ролей.

С точки зрения безопасности, экономического сотрудничества, культуры, Россия без интеграции с Украиной, Казахстаном, Белоруссией, Кыргызстаном, Арменией и другими не сможет быть центром силы, с которым считается весь мир. Россия сможет себя защитить только будучи сильной, сплоченной со своими евразийскими братьями.

Подписание 29 мая 2014 г. в Астане договора о ЕАЭС свидетельствует, что Российская Федерация, Казахстан и Беларусь готовы к углублению евразийской интеграции. Для Владимира Путина, одного из самых влиятельных политиков мира, евразийская интеграция является важнейшим вопросом. Задача политика, лидера нации, заключается в том, что он мыслит глобально, проактивно, опережая общественное мнение и краткосрочные интересы элит и предпринимателей. В этих условиях интеграционные инициативы России в Центральной Азии будут восприниматься все более позитивно. Тем не менее, есть основания говорить о некой эрозии или майданизации Центральной Азии. Для ее преодоления Российской Федерации и другим субъектам евразийской интеграции необходимо предпринять ряд конкретных действий, среди которых:

1. Углубление за счет компромиссных решений экономического сотрудничества в рамках Таможенного союза, в том числе и исключение различных изъятий.

2. Масштабные российские инвестиции в республики Центральной Азии, такие как Кыргызстан и Таджикистан.

3. Нейтрализация негативных факторов пребывания в России трудовых мигрантов из Центральной Азии.

4. Всесторонняя поддержка Россией «русского мира» в республиках

Центральной Азии.

5. Позиционирование в республиках Центральной Азии позитивного опыта Республики Татарстан и Республики Башкортостан как субъектов, коренное население которых имеет в составе Российской Федерации все условия для развития их культурной самобытности и национальной идентичности.

6. Решительные действия России по поддержанию позитивного образа победителей в Великой Отечественной войне всех народов бывшего СССР, включая меры регулярной материальной поддержки ветеранов Центральной Азии.

7. Грамотное позиционирование в республиках Центральной Азии позитивного образа модели светского государства с акцентом на консервативные ценности как альтернативу вестернизации и радикализации Ислама.

8. Меры по усилению значимости экспертного потенциала сторонников евразийской интеграции в информационном пространстве республик Центральной Азии.

9. Укрепление коллективной безопасности Центральной Азии, в том числе в формате Организации Договора о коллективной безопасности, а также инвестиции в модернизацию сектора безопасности Таджикистана и Кыргызстана при условии проявления лояльности к России правящих режимов этих стран.

10. Интенсификация академической мобильности между вузами России и республик Центральной Азии, в том числе и в рамках сетевого Университета Шанхайской организации сотрудничества.

Об авторах:

Мурзагалеев Радик Ишкалиевич, исполнительный директор Центра геополитических исследований «Берлек-Единство» (г. Уфа, Россия);

Михайличенко Дмитрий Георгиевич, эксперт Центра геополитических исследований «Берлек-Единство» (г. Уфа, Россия).